

АЛИСА РОМАНОВА

ФОТОГРАФИЯ,
КОТОРОЙ НЕ
ДОЛЖНО БЫТЬ

Алиса Романова

**Фотография, которой
не должно быть**

«Автор»

2026

Романова А.

Фотография, которой не должно быть / А. Романова — «Автор», 2026

Некоторые фотографии хранят прошлое. Другие — предупреждают о будущем. Алиса получает загадочный снимок, на котором она стоит рядом со Славой и матерью, умершей почти тридцать лет назад. На обороте — дата из будущего и предупреждение: «Не позволяй ему вспомнить». Фотография меняется, из стен доносится голос матери, а Слава снова скрывает правду. Чтобы разгадать тайну снимка, Алисе придётся вернуться к старому дому, где любовь переплетается с предательством, а прошлое оказывается опаснее любой лжи. Что, если фотография запечатлела не то, что было, а то, что ещё должно случиться?

© Романова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Конверт без обратного адреса	5
Глава 2. Человек, который не отбрасывал тень	16
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Алиса Романова

Фотография, которой не должно быть

Глава 1. Конверт без обратного адреса

Дождь начался в тот момент, когда Алиса решила, что наконец научилась не бояться тишины.

Сначала по стеклу скользнули несколько редких капель. Потом они слились в тонкие дорожки, и вскоре вода уже барабанила по подоконнику, словно кто-то снаружи проверял, достаточно ли крепко закрыто окно.

Алиса сидела на кухне с остывшим чаем и раскрытой книгой. Последние двадцать минут она не прочитала ни строчки.

Её взгляд то и дело возвращался к двери в коридор.

Смешно.

Она жила в этой квартире не первый год. Знала каждый скрип половиц, каждую трещину на потолке, каждый звук, который издавали старые трубы, когда соседи сверху включали воду. Здесь не было потайных комнат, несоответствующих планам лестниц и дверей, появляющихся там, где должна находиться глухая стена.

Здесь всё имело объяснение.

По крайней мере, должно было иметь.

После событий в старом доме Алиса пыталась убедить себя, что вернулась к нормальной жизни. Она отвечала на сообщения, ходила в магазин, разбирала бумаги, которые несколько недель пролежали нетронутыми. Даже однажды согласилась встретиться со знакомой, хотя весь вечер ловила себя на том, что прислушивается к чужим разговорам, будто в обычных фразах могли скрываться предупреждения.

Нормальная жизнь оказалась удивительно шумной.

И всё же хуже всего была тишина.

В ней Алиса снова слышала три удара из-за стены.

Тук.

Тук.

Тук.

Она отложила книгу и потёрла переносицу.

Не нужно возвращаться к этому. Не сейчас.

Старый дом остался позади. Улики были собраны, некоторые вопросы получили ответы, другие — нет. Она больше не обязана была искать смысл в каждом пятне на фотографии и в каждом случайном звуке.

А Слава...

На этом имени мысли остановились.

Алиса не позволила себе продолжить.

Она слишком хорошо знала, куда заведёт эта дорога: к его голосу, к выражению лица, когда он собирался солгать, к воспоминанию о том, как он стоял перед ней и просил довериться ему, не объясняя почему.

Слава всегда умел произносить правду так, что она звучала как ложь.

И лгать так, что ему хотелось верить.

Телефон лежал рядом с чашкой экраном вниз. Алиса специально перевернула его час назад, когда заметила, что уже в третий раз за вечер проверяет сообщения.

Она не ждала звонка.

По крайней мере, не от него.

В дверь позвонили.

Алиса вздрогнула так резко, что ложка соскользнула с блюда и упала на пол.

Звонок повторился.

Она посмотрела на часы.

21:16.

За окном было темно, дождь не собирался стихать. Алиса никого не приглашала и никому не обещала открыть дверь.

Она поднялась, подошла к прихожей и посмотрела в глазок.

Пустая лестничная площадка.

На мгновение ей показалось, что свет под потолком мерцает. Она прислушалась, пытаясь различить шаги на лестнице или звук лифта, но не услышала ничего.

Третий звонок не прозвучал.

Алиса уже собиралась отойти, когда заметила на полу у двери что-то светлое.

Конверт.

Он лежал точно посередине коврика, словно его аккуратно положили туда и выровняли по краю двери.

Алиса открыла замок, оставив цепочку на месте, и посмотрела на площадку ещё раз.

Никого.

Она наклонилась, просунула руку в узкую щель и подхватила конверт за угол. Тот легко выскользнул из-под двери.

На плотной бумаге цвета старой слоновой кости было написано её имя.

Алисе Вороновой.

Без адреса. Без обратной стороны с данными отправителя. Без марки или почтового штемпеля.

Только имя.

Алиса закрыла дверь, проверила замки и несколько секунд стояла неподвижно, прислушиваясь к лестнице.

Затем вернулась на кухню.

Конверт оказался холодным.

Не просто прохладным после подъезда — бумага отдавала таким холодом, словно несколько часов пролежала в снегу. Алиса невольно перевернула его в руках, проверяя, не влажный ли он. Поверхность была сухой.

На клапане не было ни клея, ни следов вскрытия.

Она достала нож для бумаги.

Провела лезвием по краю.

Внутри что-то тихо скользнуло.

Алиса перевернула конверт над столом.

На деревянную поверхность легла фотография.

Небольшая, чёрно-белая, с белой каймой по краям. На бумаге виднелись мелкие царапины, в углах темнели пятна, похожие на следы времени. Снимок выглядел старым — настолько старым, что Алиса почти почувствовала знакомый запах пыли и химических реактивов, который всегда оставался на старых фотографиях из семейного альбома.

Она не сразу поняла, что именно видит.

На снимке стояли трое.

Мужчина в тёмном пальто.

Женщина с длинными тёмными волосами.

И девушка, одной рукой державшаяся за перила крыльца.

Алиса наклонилась ближе.

Мужчину она узнала первой.

Слава Лебедев.

Он стоял чуть боком, словно собирался повернуться к человеку за камерой, но передумал в последний момент. Его лицо было серьёзным, губы плотно сжаты. На нём было тёмное пальто, которое Алиса помнила по одному из осенних вечеров много лет назад.

Женщина рядом с ним заставила её перестать дышать.

Елена Воронова.

Её мать.

Алиса знала это лицо по нескольким фотографиям, сохранившимся в семейном альбоме, по редким воспоминаниям раннего детства и по документам, которые она изучала после возвращения в старый дом. В официальных бумагах стояла дата смерти — весна 1997 года.

Но на другом снимке, найденном в доме, Елена была жива осенью того же года.

Теперь она стояла на крыльце рядом со Славой, будто между этими двумя фотографиями не было почти тридцати лет.

Елена выглядела моложе, чем Алиса привыкла представлять её в последние годы жизни. Тёмные волосы свободно падали на плечи, лицо казалось спокойным, почти безмятежным. Она держала Алису за руку.

И улыбалась.

Алиса медленно опустилась на стул.

На снимке была она сама.

Не ребёнок из старых фотографий, а взрослая женщина — такая, какой Алиса была сейчас. Тот же овал лица, тот же шрам у левого виска, оставшийся после падения с велосипеда, та же привычка чуть наклонять голову, когда она не доверяла собеседнику.

На ней было светлое пальто, которого Алиса не помнила. Волосы лежали на плечах свободными прядями. Правая рука была скрыта между её телом и фигурой матери, а левая опиралась на перила.

Девушка на фотографии смотрела прямо в объектив.

Не улыбалась.

Не хмурилась.

Просто смотрела.

И в её взгляде было нечто, от чего Алисе захотелось перевернуть снимок и больше никогда не смотреть на него.

Она всё же заставила себя остаться на месте.

— Этого не может быть, — произнесла Алиса.

Слова прозвучали слишком тихо.

Она снова посмотрела на лицо матери. Потом на Славу. Потом на себя.

Фотография могла быть подделкой. Современный монтаж, искусственное состаривание бумаги, удачно подобранные изображения. Сегодня можно было создать практически любой снимок.

Но кто-то должен был знать, как выглядела Алиса семь лет назад. Кто-то должен был иметь доступ к её фотографиям, к старым снимкам Славы и к изображениям Елены.

И кто-то должен был знать, что именно эти трое однажды окажутся рядом.

Алиса перевернула фотографию.

На обороте стояла дата.

17 октября 2026 года.

Под ней — надпись чёрными чернилами:

Не позволяй ему вспомнить.

Она перечитала фразу.

Затем посмотрела на календарь, висевший возле холодильника.

Тринадцатое октября.

До семнадцатого оставалось четыре дня.

Алиса ощутила, как холод медленно поднимается от кончиков пальцев к запястьям.

Не дата старого снимка.

Не дата, когда фотография была проявлена.

Дата, которая ещё не наступила.

Она снова взяла снимок и поднесла к свету.

На белой кайме не было ни названия фотостудии, ни отметок, которые могли бы подсказать время печати. Бумага выглядела старой, но это ничего не доказывало. На краю темнела тонкая царапина, а в правом нижнем углу виднелось крошечное пятно.

Алиса достала лупу из ящика, где хранила инструменты для реставрации.

Она привыкла рассматривать повреждённые поверхности. В работе реставратора важна не только сама вещь, но и следы того, что с ней происходило: трещины, потемнения, неодинаковая фактура, разница между первоначальным слоем и позднейшим вмешательством.

Под увеличением фотография перестала быть просто изображением.

Алиса заметила зернистость, характерную для старой печати. Увидела, как тени ложатся на складки пальто Славы. Различила отдельные пряди волос Елены.

Но в области лица самой Алисы зерно выглядело иначе.

Слишком ровным.

Будто изображение было перенесено на бумагу отдельно.

Это могло быть следствием ретуши. Старые фотографии часто исправляли вручную, убирали дефекты, меняли фон, восстанавливали повреждённые участки. Однако здесь не было видно характерных следов карандаша или кисти.

Алиса отложила лупу.

Она могла ошибаться.

Она очень хотела ошибаться.

В ящике стола лежал семейный альбом. Алиса достала его и осторожно раскрыла на странице, где была фотография Елены с маленькой Алисой на руках.

Снимок был сделан весной 1997 года. Мать стояла возле окна, а ребёнок смотрел куда-то в сторону. На обороте рукой Елены было написано: «Весна. Алисе два года».

Официально Елена умерла вскоре после этого.

Алиса провела пальцем по краю фотографии.

Она помнила не саму мать, а отдельные ощущения: запах её волос, тёплую ладонь, тихую песню, которую невозможно было восстановить целиком. Иногда ей казалось, что воспоминания принадлежат не ей, а кому-то, кто рассказывал о Елене так много раз, что чужие слова стали похожи на собственную память.

После возвращения в старый дом Алиса нашла доказательства, что Елена была жива осенью 1997 года. Фотография от семнадцатого октября разрушила официальную версию смерти, но не дала ответа, что случилось с ней потом.

Теперь на столе лежал ещё один снимок.

С датой, которая находилась в будущем.

Алиса закрыла альбом.

Телефон завибрировал рядом с чашкой.

Она вздрогнула и посмотрела на экран.

Неизвестный номер.

Сообщение состояло из одной строки:

«Ты получила её?»

Алиса несколько секунд смотрела на экран, затем напечатала:

«Кто это?»

Ответ пришёл почти сразу.

«Не звони Славе».

Она почувствовала, как напряглись плечи.

«Почему?»

На этот раз собеседник не ответил мгновенно. Над строкой сообщения долго вращался индикатор набора, затем исчез. Через несколько секунд появилось новое сообщение.

«Потому что он уже видел эту фотографию».

Алиса перечитала слова.

Потом медленно подняла взгляд на снимок.

Слава.

Елена.

Она сама.

Если Слава видел фотографию раньше, почему он ничего не сказал? Откуда она у него? И что означает фраза «Не позволяй ему вспомнить»?

Она набрала его номер прежде, чем успела передумать.

Гудок.

Второй.

Третий.

— Алиса?

Слава ответил так быстро, будто держал телефон в руке.

Она не стала здороваться.

— Мне нужно, чтобы ты приехал.

На другом конце возникла короткая пауза.

— Что случилось?

— Я получила кое-что.

— Что именно?

Алиса посмотрела на фотографию.

— Снимок.

— Какой снимок?

— На нём ты. Я. И моя мать.

Тишина.

Не та, что возникает, когда собеседник обдумывает ответ. Это была тишина человека, который услышал нечто давно ожидаемое и теперь пытается решить, можно ли притвориться, что ничего не произошло.

Алиса стиснула телефон.

— Слава?

Она слышала его дыхание.

— Где ты?

— Дома.

— Дверь заперта?

— Да.

— Хорошо. Никуда не выходи.

Алиса закрыла глаза.

— Ты даже не спросишь, что на фотографии?

— Я приеду через двадцать минут.

— Ты знаешь, что это за снимок?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Алиса почувствовала знакомое раздражение — острое, почти спасительное. Гнев был проще страха. С ним можно было что-то делать.

— Ты опять врёшь.

— Алиса...

— Не надо. Не произноси моё имя так, будто это должно заставить меня замолчать.

Он не ответил.

— Я хочу знать, что произошло семь лет назад, — продолжила она. — Я хочу знать, почему на этой фотографии моя мать, почему там я и почему на обороте стоит дата через четыре дня. И если ты хоть что-то знаешь, на этот раз ты расскажешь мне всё.

— Я приеду, — повторил Слава.

— И не смей исчезать.

На этот раз он ответил не сразу.

— Я постараюсь.

Связь оборвалась.

Алиса опустила телефон на стол.

«Я постараюсь».

Даже сейчас он не мог пообещать, что останется.

Она вновь посмотрела на фотографию, собираясь убрать её в конверт, но взгляд зацепился за запястье Славы.

Часы.

Тёмный ремешок, круглый циферблат, тонкая светлая стрелка.

Алиса узнала их мгновенно.

Слава носил эти часы семь лет назад. Они были старой вещью, которую он получил от отца, и никогда не снимал без причины. В ночь исчезновения Андрея Воронова часы пропали вместе со Славой на три дня.

Позже он сказал, что потерял их в доме.

Алиса помнила, как он искал их под лестницей, в коридоре, в комнате с заколоченным окном. Помнила, как в какой-то момент он перестал искать и просто сел на пол, закрыв лицо ладонями.

Тогда она решила, что он боится не потери часов.

Теперь она снова смотрела на них.

На циферблате стояло время: 23:17.

Она увеличила снимок настолько, насколько позволял экран телефона, и различила положение стрелок.

Они показывали без семнадцати минут полночь.

Но это было невозможно проверить по самой фотографии. Не было ни видимого источника времени, ни доказательства, что часы вообще работали в момент съёмки.

И всё же Алиса знала, что Слава не случайно носил их в ту ночь.

Она знала, что он потерял их в доме.

И знала, что он никогда не объяснил ей почему.

За окном вспыхнула молния.

На секунду кухня стала белой, и Алиса увидела своё отражение в стекле.

За её плечом стояла тёмная фигура.

Она резко обернулась.

Никого.

Только дверной проём и коридор, уходивший в темноту.

Алиса выругалась себе под нос, включила фонарик на телефоне и осветила помещение. Пусто. Ни движения, ни тени, ни открытой двери.

Она вернулась к столу.

Фотография лежала на прежнем месте.

Или ей так показалось.

Алиса была уверена, что до вспышки молнии Слава стоял чуть боком, а его правая рука висела вдоль тела. Теперь ладонь была приподнята, пальцы едва касались плеча Елены.

Она придвинула снимок к свету.

Возможно, угол падения света изменился. Возможно, тень раньше скрывала эту часть изображения.

Она не могла быть уверена.

Но за плечом матери появилась ещё одна деталь.

Тонкая вертикальная линия.

Тёмный контур, напоминающий дверной проём.

Алиса перестала дышать.

Она видела эту линию прежде — на фотографии, сделанной в 1997 году. Тогда за Еленой тоже была дверь. Дверь, которой не существовало ни на одном плане старого дома.

На косяке стояли буквы:

Е. В. 1997.

Алиса достала из ящика лупу и снова наклонилась над снимком.

Контур был едва различим, словно его пытались стереть. Но под увеличением проступили две короткие отметки и длинная вертикальная царапина.

Она не успела рассмотреть их внимательнее.

Свет погас.

Квартира погрузилась во тьму.

Алиса застыла, сжимая лупу. За окном продолжал идти дождь. Где-то в подъезде хлопнула дверь, и звук прокатился по лестничной клетке глухим эхом.

Она достала телефон и включила фонарик.

Луч выхватил из темноты стол, чашку, раскрытый альбом.

И фотографию.

Три удара прозвучали из стены, отделявшей кухню от коридора.

Тук.

Тук.

Тук.

Алиса не двигалась.

Она знала этот звук.

В старом доме три удара всегда следовали один за другим с одинаковым промежутком. Не громко, не угрожающе. Скорее терпеливо, будто кто-то по ту сторону стены ждал, когда ему наконец ответят.

Здесь не было старого дома.

Здесь были обычные стены, трубы и электропроводка. Алиса могла перечислить все причины, по которым звук мог возникнуть: остывающий металл, давление в системе отопления, вибрация от лифта.

Она повторила эти объяснения про себя.

Три удара раздались снова.

На этот раз третий был тише остальных.

Алиса медленно повернулась к стене.

— Кто там? — спросила она.

Собственный голос показался ей нелепым.

Ответа не последовало.

Она сделала шаг вперёд.

Потом ещё один.

Стена выглядела совершенно обычно. Светлая краска, узкая трещина возле плинтуса, след от старой картины, которую она сняла год назад. Ничего, что могло бы напоминать дверь.

И всё же, когда Алиса приблизилась, ей показалось, что воздух возле стены холоднее.

Она подняла руку, но не коснулась поверхности.

Изнутри донёлся слабый шорох.

А затем женский голос произнёс:

— Алиса, не открывай.

Она отступила так резко, что ударилась бедром о край стола.

Голос был тихим, усталым, почти лишённым интонации.

Но Алиса узнала его.

Она не могла объяснить, откуда знала этот голос. Детские воспоминания о матери были слишком обрывочными, чтобы опираться на них. И всё же в этих словах было нечто, чего она не слышала ни от кого другого.

Так произносила её имя Елена Воронова.

Алиса схватила фотографию.

Мать на снимке больше не улыбалась.

Её лицо оставалось неподвижным, но взгляд теперь был направлен не в объектив. Она смотрела куда-то в сторону — туда, где находилась Алиса.

А губы словно складывались в беззвучные слова.

Он уже вспомнил.

В ту же секунду в дверь квартиры постучали.

Алиса вздрогнула.

— Алиса! — раздался голос Славы. — Открой. Это я.

Она посмотрела на дверь, потом на стену.

— Алиса, пожалуйста, — повторил он. — Нам нужно поговорить.

Она подошла к прихожей, но не стала открывать. Посмотрела в глазок.

Слава стоял на лестничной площадке, мокрый от дождя. Волосы прилипли ко лбу, воротник пальто был поднят. Он выглядел так, будто добрался сюда бегом.

В руке он держал что-то небольшое.

Алиса не могла рассмотреть предмет.

— Я знаю, что ты там, — сказал он. — Я видел свет.

Она положила ладонь на замок.

Из кухни донёлся едва слышный скрип.

Алиса обернулась.

На фотографии Слава стоял рядом с Еленой. Теперь его голова была повернута к Алисе, и рот приоткрыт, словно он пытался что-то сказать.

Она не могла понять, что именно изменилось. Возможно, ничего. Возможно, её собственный страх заставлял видеть движение там, где его не было.

Но затем она заметила его руку.

Пальцы Славы больше не касались плеча Елены.

Они были вытянуты к ней.

К Алисе.

Он словно пытался удержать её за запястье.

— Не открывай, — произнёс голос из стены.

Слава постучал ещё раз.

— Алиса, послушай меня. Что бы ты ни увидела на фотографии, не верь ей.

Алиса замерла.

Она не сказала ему, что на снимке появилось нечто новое.

Не сказала, что слышала голос матери.

Не сказала, что в стене кто-то есть.

— Откуда ты знаешь, что я вижу? — спросила она через дверь.

Слава опустил голову.

Несколько секунд он молчал, потом поднял глаза прямо на глазок, будто мог видеть её сквозь дерево.

— Потому что я уже однажды допустил эту ошибку.

— Какую ошибку?

— Я открыл дверь.

В коридоре квартиры что-то тихо щёлкнуло.

Алиса услышала звук поворачивающегося замка.

Не входного.

Того, которого не было.

За её спиной, в стене, проступила тонкая вертикальная линия.

Алиса медленно повернулась.

Свет фонарика дрожал в руке. По светлой краске проходила тень, слишком ровная, чтобы быть трещиной. Сначала показалась одна сторона проёма, затем другая. Между ними возникла тёмная щель.

Из неё потянуло сыростью, пылью и холодом.

Алиса знала, что должна отойти.

Вместо этого она сделала шаг к стене.

На косяке проступили буквы.

Е. В. 1997.

— Алиса! — крикнул Слава из-за двери. — Не смотри туда!

Она обернулась к прихожей.

Слава стоял по-прежнему снаружи.

Но в его голосе теперь был такой страх, какого Алиса не слышала даже семь лет назад, когда он вернулся после исчезновения Андрея.

— Что происходит? — спросила она.

— Я объясню. Только отойди от стены.

— Ты сказал, что уже открывал эту дверь.

Слава закрыл глаза.

— Да.

— Когда?

Он не ответил.

Алиса посмотрела на дверной проём, затем на фотографию в своей руке.

— Что находится за ней?

Слава поднял голову.

— Я не знаю.

И в этот момент Алиса поняла, что он говорит правду.

Впервые за долгое время.

— Тогда почему ты боишься?

Он посмотрел на неё так, словно хотел запомнить каждую черту её лица.

— Потому что в прошлый раз из комнаты вышел я.

Алиса почувствовала, как холодеют пальцы.

— А кто вошёл?

Слава не успел ответить.

Из-за стены раздался голос Елены:

— Не слушай его, Алиса.

Пауза.

Затем мать произнесла слова, от которых у Алисы подкосились ноги:
— Он не тот Слава, которого ты любишь.
На лестничной площадке мужчина за дверью резко отступил.
Алиса услышала его шаги.
— Слава?
Ответа не было.
Она бросилась к входной двери и посмотрела в глазок.
Лестничная площадка опустела.
Слава исчез.
На полу осталась только маленькая тёмная вещь.
Алиса открыла дверь прежде, чем успела вспомнить предупреждение. Она выскочила на площадку и подняла предмет.
Часы.
Те самые, что были на фотографии.
Тёмный ремешок. Круглый циферблат. Тонкая светлая стрелка.
Стекло было треснуто.
Стрелки показывали 23:17.
Алиса посмотрела на часы в подъезде.
21:49.
Она вернулась в квартиру и захлопнула дверь.
Стена в коридоре снова была обычной.
Ни линии, ни проёма, ни надписи.
Только светлая краска и старая трещина у плинтуса.
На кухонном столе лежала фотография.
Алиса осторожно подняла её.
Теперь Елена смотрела прямо в объектив.
Слава стоял рядом с ней, опустив руку.
А Алиса на снимке держала мать за руку.
В другой руке у неё был ключ.
Тот самый старый ключ, который исчез из дома после первой ночи расследования.
Алиса перевернула фотографию.
Надпись на обороте изменилась.
Вместо прежней фразы теперь стояло:
Не позволяй ему вспомнить, кто из вас остался.
Алиса долго смотрела на слова, пока буквы не начали расплываться перед глазами.
Потом телефон на столе завибрировал.
Новое сообщение.
Номер был неизвестен.
«Прости. Я не успел».
Следом пришло второе:
«Если хочешь увидеть настоящего Славу, приходи к дому семнадцатого октября. Одна».
Алиса подняла голову.
За окном дождь прекратился.
В отражении стекла она увидела себя, стол и фотографию.
И ещё одну фигуру.
Женщину с тёмными волосами, стоящую прямо за её спиной.
Алиса резко обернулась.
Кухня была пуста.

Но на стекле, там, где секунду назад отражалось лицо матери, медленно проступили четыре слова:

«Ты уже приходила сюда».

Глава 2. Человек, который не отбрасывал тень

Алиса не спала до рассвета.

Часы Славы лежали на кухонном столе, рядом с фотографией и раскрытым семейным альбомом. Она несколько раз пыталась убрать их в ящик, но каждый раз возвращалась и снова клала на прежнее место, словно боялась, что без её взгляда они исчезнут.

В половине третьего ночи она завернула часы в кухонное полотенце.

В три часа достала их обратно.

В четыре попыталась завести механизм, хотя прекрасно знала: у этой модели был автоматический завод, и если часы остановились, причина могла быть совсем не в пружине.

Стрелки не двигались.

23:17.

Алиса поднесла циферблат к уху. Тишина.

Она постучала ногтем по стеклу. Никакой реакции.

Тогда взяла телефон и сфотографировала часы. На экране они выглядели совершенно обычно: потёртый ремешок, трещина на стекле, стрелки, застывшие почти у полуночи.

Она увеличила изображение.

На внутренней стороне ремешка проступали две буквы, едва различимые под слоем грязи.

А. В.

Алиса нахмурилась.

Её инициалы.

Она перевернула часы, осмотрела застёжку, провела пальцем по потёртой коже. Возможно, это была случайная царапина. Возможно, кто-то когда-то пытался пометить вещь, чтобы не перепутать с другой.

Но почему тогда Слава никогда не говорил об этой надписи?

И почему часы, которые он потерял семь лет назад, оказались у её двери именно сейчас?

Алиса достала из шкафа коробку с инструментами для реставрации. В ней хранились тонкие пинцеты, лупа, перчатки и маленькая отвёртка. Она работала с хрупкими предметами достаточно долго, чтобы понимать: иногда вещь рассказывает о себе больше, чем человек, который её принёс.

Снимать заднюю крышку она не стала. Часы были чужими, а повреждённый механизм мог оказаться единственной уликой, которую у неё ещё не отняли.

Вместо этого Алиса осмотрела ремешок под увеличением.

Под металлической застёжкой обнаружилась тонкая полоска бумаги.

Она была сложена вчетверо и почти сливалась с внутренней подкладкой. Алиса осторожно подцепила её пинцетом. Бумага вышла не сразу, будто застряла между слоями кожи.

На ней было написано одно слово:

«ВЕРНИСЬ».

Ни подписи, ни даты.

Алиса положила записку рядом с фотографией.

Ей захотелось рассмеяться — не от веселья, а от бессилия. Кто-то будто нарочно оставлял ей подсказки, которые не объясняли ничего, но делали каждый следующий вопрос опаснее предыдущего.

Вернись куда?

В старый дом?

К Славе?

В ту ночь семь лет назад?

Она закрыла глаза и попыталась вспомнить.

Коридор. Пыль. Запах мокрого дерева. Ладонь Славы на её плече. Голос отца, доносившийся из-за двери.

А потом — резкий звук.

Выстрел.

Алиса распахнула глаза.

Воспоминание оборвалось так резко, что у неё заболела голова.

Она помнила выстрел. Помнила, как упала на колени. Помнила, что Слава кричал её имя.

Но не помнила, кто держал оружие.

И не помнила, что произошло после.

Семь лет она пыталась убедить себя, что память просто вытеснила слишком тяжёлое событие. Теперь Алиса больше не была уверена, что забыла его сама.

Возможно, кто-то помог ей забыть.

За окном начало светлеть.

Она собрала фотографию, записку и часы в небольшую коробку, застегнула куртку и вышла из квартиры.

Старый дом находился на другом конце города. Дорога занимала около сорока минут, если не попадать в утренние пробки. Алиса не стала вызывать такси. Ей хотелось идти пешком, чувствовать холодный воздух и слышать обычные городские звуки — машины, голоса прохожих, звон трамвая.

Она надеялась, что это поможет отделить действительность от того, что происходило ночью.

Но на первом же перекрёстке увидела мужчину в тёмном пальто.

Он стоял у газетного киоска и смотрел прямо на неё.

Алиса остановилась.

Мужчина был немолодым, с узким лицом и светлыми волосами, почти полностью поседевшими у висков. Она не узнала его, но в его облике было что-то неприятно знакомое.

Он поднял руку и коснулся запястья.

Жест показался Алисе странным.

Потом мужчина улыбнулся.

Не приветливо. Скорее так, как улыбаются люди, которые убедились, что пришли вовремя.

Алиса отвела взгляд всего на секунду — чтобы проверить, не горит ли зелёный сигнал светофора.

Когда снова посмотрела на киоск, мужчины уже не было.

Она быстро огляделась.

Люди переходили дорогу. Водитель автобуса ругался на велосипедиста. Пожилая женщина поправляла шарф. Никто не выглядел испуганным или удивлённым.

Алиса заставила себя идти дальше.

У старого дома она оказалась в начале девятого.

Здание возвышалось над улицей, мрачное даже при дневном свете. Дождь оставил на кирпичках тёмные потёки. За чугунной оградой мокли кусты, а на верхних этажах ветер раскачивал ветви дерева, которое росло слишком близко к стене.

Дом выглядел обычным.

И от этого становилось только страшнее.

Алиса остановилась перед калиткой.

Она помнила, как в первый раз увидела его после смерти бабушки. Тогда дом казался ей заброшенным наследством, которое нужно привести в порядок и продать. Теперь Алиса знала:

здание могло скрывать помещения, отсутствующие на планах, фотографии людей, которые не должны были существовать, и следы событий, не укладывающихся ни в одну разумную версию.

Она достала ключ.

Замок повернулся с сухим шелчком.

Калитка открылась.

На дорожке к крыльцу лежали мокрые листья. Алиса прошла мимо старой скамейки, где когда-то сидела с отцом, и поднялась по ступеням.

Она не собиралась входить.

Ей нужно было проверить только одно: появлялась ли та дверь на самом деле или была лишь частью ночного видения.

Алиса остановилась у входа и посмотрела на фасад.

Три окна второго этажа.

Два на первом.

Ни одного лишнего.

Она обошла дом сбоку и нашла окно кухни. За стеклом стоял старый стол, который она не успела вывезти. На столе лежала газета, оставленная кем-то из рабочих.

Всё выглядело совершенно обыденно.

Алиса уже собиралась возвращаться к калитке, когда заметила на мокрой земле следы.

Они вели от боковой стены к крыльцу.

Следы были свежими: вода ещё не успела заполнить углубления в земле. Человек шёл в обуви с узкой подошвой, оставляя чёткий рисунок каблука.

Алиса присела.

Следы начинались у стены.

Не от калитки. Не от дорожки.

Они появлялись прямо возле кирпичной кладки и вели к дому.

Она медленно поднялась и посмотрела на стену.

На уровне человеческого роста кирпичи выглядели темнее, чем вокруг. Между двумя рядами проходила тонкая вертикальная линия.

Алиса провела по ней пальцами.

Шов кладки.

Ничего необычного.

Она уже собиралась отойти, когда услышала за спиной:

— Не стоит трогать.

Алиса резко обернулась.

У крыльца стоял Виктор Орлов.

На нём было длинное серое пальто, на шее — тёмный шарф. Лицо казалось уставшим, но глаза оставались ясными и внимательными. Он выглядел точно так же, как на последней фотографии, которую Алиса видела в архиве.

Именно это было невозможно.

Виктор Орлов был мёртв.

По крайней мере, Алиса считала, что он умер. Его тело нашли в комнате, которой не было на планах дома. Следствие не смогло объяснить, как он туда попал и почему помещение оказалось запертым изнутри.

Алиса сама видела фотографии с места происшествия.

Она сама разговаривала с людьми, которые подтверждали его смерть.

И всё же Виктор Орлов стоял перед ней.

— Вы... — начала она.

— Да, — ответил он.

— Но вы мертвы.

Орлов чуть склонил голову.

— Такое случается чаще, чем вам кажется.

Алиса отступила на шаг.

— Это не смешно.

— Я и не шучу.

Он говорил спокойно, словно они встретились в архиве, а не возле дома, который уже не раз нарушал привычные представления о действительности.

— Как вы здесь оказались? — спросила Алиса.

— Пришёл.

— Откуда?

— Из города.

— Не надо со мной так разговаривать.

Виктор посмотрел на неё с неожиданной мягкостью.

— Вы хотите, чтобы я объяснил вам всё сразу. Но вы ведь понимаете, что не поверите ни одному слову.

— Попробуйте.

Он посмотрел на стену, которую она только что ощупывала.

— Не все двери открываются в комнаты.

Алиса почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Что это значит?

— То, что я сказал.

— Вы знаете, что происходит в этом доме?

— Знаю некоторые вещи.

— Тогда расскажите.

Орлов помолчал.

— Вы получили фотографию.

Это не было вопросом.

Алиса почувствовала, как пальцы сами собой сжались на ремне сумки.

— Откуда вы знаете?

— Потому что она должна была прийти.

— Кому?

— Вам.

— Кто её отправил?

— Вы задаёте не те вопросы.

— А какие правильные?

Орлов посмотрел ей прямо в глаза.

— Почему на фотографии вы стоите рядом со Славой, если он в тот день не должен был находиться в доме?

Алиса не сразу смогла ответить.

— Вы знаете, что изображено на снимке?

— Я знаю, что некоторые фотографии показывают не то, что видит человек за камерой.

— Это бессмыслица.

— Возможно.

Он произнёс это без улыбки.

Алиса достала коробку и вынула снимок. Держала его так, чтобы Орлов мог видеть изображение, но не коснуться бумаги.

— Что вы знаете об этой дате?

Он посмотрел на оборот.

Впервые за всё время его спокойствие дало трещину.

Орлов побледнел.

— Где вы это взяли?

— В конверте, который оставили у моей двери.

— Никто не должен был присылать его сейчас.

— Кто не должен?

Он не ответил.

Алиса сделала шаг к нему.

— Виктор, послушайте. Я не знаю, что происходит. Я не знаю, почему вы живы, хотя вас нашли мёртвым. Не знаю, почему моя мать появляется на фотографиях спустя почти тридцать лет после официальной смерти. И я не знаю, что случилось со Славой прошлой ночью.

— Со Славой?

— Он исчез.

Орлов посмотрел на неё так, словно услышал подтверждение собственных подозрений.

— Значит, всё началось раньше.

— Что началось?

Виктор повернулся к дому.

— Вы должны уйти отсюда.

— Нет.

— Алиса...

— Я семь лет жила с вопросами, на которые никто не хотел отвечать. Хватит. Если вы знаете, что произошло в ту ночь, вы расскажете мне.

Орлов закрыл глаза.

На мгновение Алисе показалось, что он собирается отказаться. Но потом он медленно поднял левую руку и закатал рукав пальто.

На запястье была татуировка.

Перечёркнутая римская единица.

Алиса помнила её с фотографии, найденной в архиве. Тот же знак был виден на руке человека, стоявшего в глубине старого снимка 1912 года.

Человека, который выглядел точно так же, как Виктор Орлов.

— Что означает эта метка? — спросила она.

Он опустил рукав.

— Ничего, что могло бы вам помочь.

— Тогда почему вы её скрываете?

— Потому что люди задают слишком много вопросов, когда видят её.

— Может быть, потому что она означает, что вам больше ста лет?

Орлов посмотрел на неё.

— А если я скажу, что не помню, сколько мне лет?

Алиса почувствовала, как холодеют ладони.

— Вы лжёте.

— Возможно.

— Вы все так говорите.

— Кто — все?

— Вы. Слава. Люди, которые знают правду и считают, что мне лучше её не знать.

Орлов медленно кивнул.

— В этом вы правы.

Он подошёл к боковой стене и приложил ладонь к кирпичам.

— Вы помните, что было за дверью семь лет назад?

Алиса заставила себя не отводить взгляд.

— Нет.

— Совсем ничего?
— Я помню выстрел. Помню, что упала. Помню Славу. Потом — провал.
— А до выстрела?
Она закрыла глаза.
Коридор.
Пыль.
Запах сырости.
Отец впереди.
Слава рядом.
И дверь.
— Я открыла её, — прошептала Алиса.
— Да.
— Но я не помню, что было за ней.
— Вы видели комнату.
— Какую комнату?
Орлов посмотрел на стену.
— Ту, которая не должна была существовать.
Ветер прошёлся по веткам над крышей. Где-то внутри дома скрипнула половица.
Алиса открыла глаза.
— Вы были там?
— Да.
— В ночь исчезновения моего отца?
— Да.
— Вы видели, кто стрелял?
Орлов молчал так долго, что Алиса решила: ответа не будет.
Наконец он сказал:
— Я видел человека, который вышел из комнаты.
— Кого?
— Славу.
Алиса почувствовала, как земля будто ушла из-под ног.
— Это невозможно. Слава был со мной.
— Вы уверены?
Она хотела ответить сразу. Хотела сказать, что помнит его руку, его голос, его лицо.
Но воспоминание распалось, стоило ей попытаться удержать его.
Она видела Славу рядом с собой.
И одновременно — у двери.
Обе картины казались одинаково настоящими.
— Что вы хотите сказать? — спросила она.
Орлов не ответил. Вместо этого достал из кармана маленький конверт и протянул ей.
— Это нашли в архиве после моей смерти.
Алиса посмотрела на него.
— После вашей смерти?
— Да.
— Вы понимаете, как это звучит?
— Лучше, чем вы думаете.
Она взяла конверт.
На нём было написано её имя, а ниже — дата:
17 октября 1997 года.
— Что внутри?

— Не открывайте здесь.

— Почему?

Орлов посмотрел на окно второго этажа.

В одном из стёкол отражалось серое небо. За ним, в глубине комнаты, стоял силуэт женщины.

Алиса резко повернулась к дому.

Окно было пустым.

— Вы тоже её видели? — спросила она.

— Кого?

— Женщину.

— Нет.

Он ответил слишком спокойно.

Алиса сжала конверт.

— Вы лжёте.

— Да, — неожиданно согласился Орлов. — Но сейчас это не самое опасное.

Он сделал шаг назад.

— Уходите. И не возвращайтесь до семнадцатого октября.

— Что произойдёт семнадцатого?

— Вы получите ответ.

— На какой вопрос?

Орлов посмотрел на фотографию в её руке.

— На тот, который боитесь задать.

Он направился к калитке.

— Подождите! — крикнула Алиса.

Виктор остановился, но не обернулся.

— Вы сказали, что видели Славу, выходящего из комнаты. А кто вошёл туда?

Орлов медленно повернул голову.

— Вы.

— Я была там до выстрела.

— Нет, Алиса. Я говорю о другом.

Он посмотрел на неё с такой усталостью, словно этот разговор повторялся уже много раз.

— В ту ночь из комнаты вышли двое. Но в доме было трое.

Алиса не успела спросить, что это значит.

Виктор Орлов шагнул за калитку.

На мгновение его фигура заслонила фонарный столб.

Когда Алиса снова посмотрела туда, улица была пуста.

Она бросилась к калитке.

Никого.

Только мокрый асфальт, проезжающие машины и следы дождя.

Алиса вернулась к дому и открыла конверт, который он ей оставил.

Внутри лежал маленький снимок.

На нём была изображена комната с низким потолком и единственным окном. Посреди помещения стоял стол. На столе — три чашки.

За столом сидели двое мужчин.

Один был похож на Славу.

Второй — на её отца.

Между ними, спиной к камере, сидела женщина с тёмными волосами.

На обороте фотографии было написано:

«Третий уже ушёл».

Алиса почувствовала, как сердце ударилось о рёбра.
Она перевернула снимок обратно.
На стекле окна за спинами мужчин отражался человек, стоявший за камерой.
Человек, которого не было видно в самой комнате.
У него не было лица.
Только тёмное пятно там, где должны были находиться глаза.
Алиса отступила.
И впервые за долгое время поняла, что боится не того, что скрывает старый дом.
Она боялась, что однажды вспомнит всё.
И обнаружит, что в её воспоминаниях никогда не было настоящего Славы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.